

ДИСКУРС ИДЕОЛОГИИ В ПОГРАНИЧЬЕ. УКРАИНА

Abstract

The article represents the final part of the comparative study of the discourses of ideology in Belarus and Ukraine based on the methodology of depth hermeneutics by J.B. Thompson, implying the social analysis of the academic field and the discourse analysis of ideological narratives. The heuristic potential of a Borderland metaphor applied to Ukraine and Belarus is revealed. The key tendencies of the current state appear to be *façade changes* and *instrumentalization* – both in the political and academic spheres.

The most significant trends in Ukrainian academia are *inertia* (continuity with the Soviet practices); *commercialization* (extrapolating the logic of market onto the academic sphere); *individual integration* into the global scientific community – amid a lack of institutional integration. The space is characterized by the juxtaposition of the 'old' vertical hierarchy structures and 'new' horizontal networks as well as by strong personal connections on the back of weak aggregation of ideas. The investigations of ideology can be divided into the 'academic mainstream' and 'marginal researches'. The theoretical core of the 'mainstream' conceptions, common to the Belarusian and Ukrainian works, is identified. It is stressed that nowadays the problem of ideology is urgent in a *practical* way: the lack of unifying ideology is a threat to Ukraine's national security – in the context of 'consciential war' with Russia. Modern mass rehabilitation of ideology occurred within the events marked as #*Euromaydan*, which can be interpreted as a practical request for an ideology and at the same time as an attempt of its emergence.

Keywords: discourse of ideology, a Borderland metaphor, symbolic space, statism, *façade changes*, academic mainstream, practical request for ideology.

Философия в Украине после СССР

Анализ украинской ситуации проводится в сравнительной перспективе: дискурс идеологии в Беларуси выступает точкой референции, а топологическая метафора Пограничья – общей исследовательской канвой, задающей теоретическое основание для компаративного анализа. При этом фокус внимания сосредоточен на философском дискурсе идеологии – в контексте общей идеологической ситуации в Украине. Такая исследовательская оптика обусловлена несколькими соображениями прагматического и содержательного толка. Аргументы первого рода сводятся к сужению исследовательского поля (анализ всех наличных дискурсов идеологии невозможен в рамках одного исследования) и большей осведомленности автора, включенного в украинское философское сообщество, но в силу определенной институциональной мобильности сохраняющего необходимую исследовательскую дистанцию. Содержательно анализ именно философской сферы важен, поскольку, с одной стороны, любые качественно новые концептуализации с необходимостью предполагают философскую компоненту, с другой – в СССР философия выполняла идеологическую функцию, а философские факультеты готовили идеологических работников, поэтому постсоветский слом наиболее выпукло просматривается при попытках разделения идеологии и философии, особенно в их институциональных ипостасях.

Общая ситуация с философией в постсоветской Украине может быть охарактеризована бодрийяровским концептом «*после оргии*»: экстаз освобождения от цензуры и «диктата партии», слияния с мировым интеллектуальным пространством сменился похмельем правды, вызовом на «гамбургский поединок». Это характеризует культурную ситуацию на постсоветском пространстве в целом – когда после падения железного занавеса все стало значить ровно столько, сколько заслуживает: подпольный рок, диссидентская литература, контрабанда философских идей – то, что *звучало* шепотом и имело необычайную культурную ценность, в полный голос и *в присутствии* западных аналогов в свободном доступе звучать и значить перестало. Когда отпала идеологическая функция философии, а пересказы идей зарубежных авторов потеряли не только эксклюзивность, но и смысл, превратившись в некие «перепевки Карузо» из старого советского анекдота, – в таких условиях произошло обнуление научного авторитета ряда (конечно, не всех!) мыслителей, которым вдруг «оказалось нечего сказать» (Кебуладзе, 2012: 176). Как отмечает А. Лой, в советском обществе существовала полуфилософия, которая не могла полноценно осуществить рефлексию, ведь «рефлексия и страх – вечные антагонисты, решающие судьбу мышления» (Лой, 2009: 147). Такая полуфилософия может быть востребованной лишь в условиях общества, которое ее породило (Лой, 2009: 148).

Утрата философией идеологической функции имеет двойные последствия для ее дальнейшей судьбы: освобождение от партийного диктата сопровождает

ется потерей претензий на исключительный статус в системе знания (что приводит к сокращению аудиторных часов, дискуссиям об отмене обязательного кандидатского минимума и т.д.). Отсутствие государственной цензуры при этом часто интерпретируют как либерализацию научной сферы. Но действительная причина представляется иной, она во многом синонимична белорусской ситуации – это *безразличие власти к (социогуманитарной) науке*, коренящееся в несоответствии содержания последней интеллектуальным запросам первых (тем не менее в украинских реалиях обзаводящихся научными степенями как знаками престижа, в *логике «праздного класса»* (Т. Веблен)) и подкрепленное ее слабой капитализацией (в *логике рынка*). Правда, белорусский лидер, имеющий опыт идеологической работы среднего звена, «в полях», очевидно, наследует советское презрительное отношение к ученым как к тем, кто забалтывает проблемы, а не решает их. В то время как поведение украинских властных элит укладывается в *логику общества «позднего капитализма»*, точно описанную Ф. Джеймисоном: «Если идеи правящего класса когда-то были доминирующей или руководящей идеологией буржуазного общества, то сейчас капиталистически развитые страны являются полем стилистической и дискурсивной разнородности безо всякой нормы. Безликие хозяева продолжают менять экономические стратегии, ограничивающие наше существование, но им уже не нужно выражать это в речи» (Jameson, 1984: 65). Существенное отличие капитализма в его современной украинской версии заключается в том, что данные «безликие хозяева» не дистанцированы от политической сферы (реализуя свои интересы через механизм лобби), а сама политика не превратилась в рутинную сферу занятости «политических клерков», «управленческого персонала» (Ю. Хабермас). Свойственное современным украинским реалиям сращивание политической и экономической сферы, схваченное концептом «неопатримониализм» (А. Фисун), является свидетельством не постиндустриализации, соответствия мировым тенденциям, а, напротив, *ретрадиционализации* – причем не советского (как в Беларуси), а *феодалного* типа (мир-системный анализ И. Валлерстайна).

На этом фоне гуманитарная наука как малоприбыльная отрасль пребывает в основном вне сферы заинтересованного внимания властных субъектов, но остается вписанной в общий контекст происходящих в украинском обществе трансформаций. Здесь можно выделить три значимые параллельно проявляющиеся **тенденции**:

1. **Инерционность**, свойственная любой институциональности, усиленная тем фактом, что после распада СССР не произошло системной смены менеджеров на ключевых административных позициях в научной и образовательной сфере, т.е. не сменились ни ведущие акторы, ни социальные схемы их взаимодействия (структуры повседневности, по Ф. Броделю). Фактически не произошло существенной реструктуризации академического пространства, изменения коснулись преимущественно риторики и тематики исследований, оставляя глу-

бинный смысловой код неизменным (Лой, 2009: 147). Современный украинский философ В. Кебуладзе в исследовании, посвященном нынешнему состоянию философии в Украине, формулирует это следующим образом: «Беда современной украинской философии... заключается в том, что она до сих пор находится под разлагающим влиянием философии советской» (Кебуладзе, 2012: 175).

2. Коммерциализация – экстраполяция логики рынка на научную и образовательную сферу. *Явная* коммерциализация связана с введением официальной платы за определенные услуги (курсы повышения квалификации, подачу диссертации для защиты в спецсовет другого вуза и т. д.). Наиболее значимо в контексте нашего исследования существование большого количества так называемых «фаховых» изданий (включенных в официальный перечень ВАК), принимающих публикации на платной основе. Это приводит к смягчению требований к содержанию статей и отсутствию устойчивого интереса к подобным сборникам со стороны читателей, а в результате – к инструментализации публикаций, их превращению из результата научной деятельности в средство карьерного продвижения. *Теневая* коммерциализация связана с предоставлением на платной основе нелегальных услуг, в частности, связанных с подготовкой и защитой диссертаций. Косвенным подтверждением существования данного «бизнеса» является значительное количество людей, не занятых в сфере науки и образования, среди обладателей научных степеней (отмеченное выше «демонстративное потребление» праздного класса). В условиях низкой оплаты научного труда подготовка под чужим именем академических работ разного уровня – от курсовых и дипломных до докторских диссертаций – стала дополнительным доходом для индивидов и исследовательских групп¹. Обратная сторона данного процесса – снижение качества и престижа научной деятельности, а также «вымывание» способных ученых из сферы оригинальных исследований вследствие их занятости нелегальной «подработкой». *Потенциальная* коммерциализация состоит в переходе от качественных критериев оценки ученых к количественным (от авторитета в научном сообществе – к всевозможным рейтингам и индексам цитирования), иными словами, в попадании научной отрасли под юрисдикцию «калькулирующего разума».

3. Интеграция в мировое научное сообщество, декларируемая как ключевая цель развития украинской науки в контексте общих евроатлантических устремлений страны. На текущий момент данная интеграция носит скорее *индивидуальный*, нежели *институциональный* характер, вследствие чего перед каждым исследователем стоит дилемма присутствия в конкретном научном пространстве «или – или». Например, современный украинский исследователь В. Кулик отмечает в интервью, что его англоязычные работы практически не присутствуют в отечественном научном пространстве, и наоборот. В результате приходится работать «на два фронта», периодически «выпадая» и перманентно теряя время от такого дублирования (Кулик, 2011). Существует определенный круг

исследователей, владеющих иностранными языками и демонстрирующих академическую мобильность, собирательно обозначаемых маркером «грантоеды» и отличающихся степенью своего присутствия в украинской «академии». Характерная цитата из статьи В. Ищенко: «И что-то около 600 гривен за (вроде бы) 0,3 ставки старшего преподавателя-совместителя в Киево-Могилянской академии просто не позволяют относиться к ней иначе, как к хобби. Каждый год подачи заявок и отчетов на максимум однолетние стипендии и гранты, часто без уверенности в том, чем будешь заниматься (да и в какой стране находиться) уже через пару месяцев» (Ищенко, 2013). Подобная эклектика научных поисков на фоне топологической шизофрении («не знаешь, где будешь находиться») приводят к тому, что украинская научная сфера сохраняется для «грантоедов» как «базовая аффилиация», точка референции, при этом их собственный научный потенциал реализован не в полной мере вследствие перманентной адаптации к условиям актуальных программ. Симптоматично, что в проведенном нами интервью профессор Киево-Могилянской академии, президент Фонда качественной политики, глава Кантовского общества в Украине (социально активный и интенсивно присутствующий в академическом дискурсе и медиа исследователь) М. Минаков признался, что чувствует себя уже скорее принадлежащим западной «академии».

Выдвигаемые Министерством образования и науки Украины требования к исследователям относительно их интеграции в мировое научное сообщество, в частности касательно обязательной публикации результатов диссертационных исследований в международных рецензируемых изданиях, входящих в наукометрические базы, могут быть интерпретированы как перекладывание проблем украинской науки на плечи соискателей степеней и званий, ведь введение требований не сопровождается имплементацией институциональных механизмов их решения. Институциональная интеграция происходит очень медленно в результате действия множества факторов, среди которых особенно важными представляются *финансовый*, отчасти – языковой и ментальный. Финансирование научной сферы «по остаточному принципу» (к примеру, в бюджете Украины на 2014 г. предусмотрено финансирование Национальной академии наук в объеме 0,66% от общего фонда (Фінансування, 2014)) препятствует системной интеграции в силу того, что глобальное научное пространство подчинено все той же «логике рынка». Реальное действие в развитом мире «авторского права» финансово блокирует доступ к актуальным научным ресурсам (ведущие университеты мира имеют подписки – являющиеся платными – на базы данных, включающие те самые авторитетные реферируемые издания)². Поездки на конференции, приглашение *key speaker*’ов на украинские мероприятия, финансовое стимулирование исследователей к овладению иностранными языками и подготовке иноязычного научного продукта – эти мероприятия требуют существенных финансовых вложений. Наконец, как отмечает ряд исследователей, институцио-

нальная изоляция выгодна определенной части отечественных ученых, которые не хотят терять конкурентные преимущества и особый академический статус.

Философский дискурс идеологии в Украине: акторы и сети

Структура украинского философского пространства определяется *сосуществованием* «старых» институциональных образований, сохраняющих определенную преемственность с советским периодом, с «новыми», ориентированными на неформальное взаимодействие на основе общих исследовательских интересов. Как отмечает В. Кебуладзе, взаимодействие обозначенных типов структур носит неконфликтный характер: неформальные объединения ученых «находят пути коммуникации с официальными научными институтами» (Кебуладзе, 2012: 181), «не противопоставляют себя официальной системе, а пытаются взаимодействовать с ней и влиять на ее демократизацию, содействуя трансформации в направлении мировых стандартов организации научной жизни» (Кебуладзе, 2012: 185). Реализуя «наблюдение за наблюдающим», стоит подчеркнуть, что сам В. Кебуладзе (равно как и вышеупомянутый М. Минаков) представляет поколение «молодых докторов», выступающее медиатором двух полюсов научного поля: будучи интегрированными и в официальные научные структуры высшего уровня, и в международные исследовательские сети, влиятельные философы «нового поколения» снимают бинарную оппозицию традиция – новация, пытаясь реализовывать системные изменения в украинской философии.

Вместе с тем не менее важной чертой отечественного философского пространства представляется его *фрагментарность*, мозаичность, выступающая проекцией состояния украинского общества в целом. В отличие от Беларуси символическое пространство профессиональной философии в Украине представлено разобщенными, слабо координированными региональными центрами. На фоне признания символического доминирования столичных философских институций наблюдается *содержательная автономия* региональных структур, усиленная восстановлением философских факультетов. Поскольку в УССР философский факультет существовал только в Киевском университете, его выпускники формировали не только официальную структуру преподавания философии по всей Украине, но и неформальные сети профессионального взаимодействия, сохраняющие свою значимость и поныне. В постсоветский период прокатилась волна восстановлений философских факультетов в ряде университетов Украины: во Львове, Харькове, Одессе, Черновцах. Статистически значимо появление на этих факультетах преподавателей – собственных выпускников, ориентированных на локальную философскую школу и демонстрирующих более слабую референцию с Киевской философской школой – на фоне интенсификации внешних академических связей, выстроенных по векторам связей геополитических. Так, исследователи из Львовского университета активно со-

трудничают с коллегами из Восточной Европы – Польши, Чехии и других стран. Представители восточноукраинского региона нацелены на усиление научных контактов с российскими коллегами. Впрочем, и те и другие активно участвуют в академической мобильности в страны Западной Европы и США. Проведенный контент-анализ тем защищенных диссертаций по истории философии за 1996–2006 гг. зафиксировал сильные локальные тенденции выбора тематики на фоне отсутствия общенациональных, при этом столичный регион не столько «задает тон» в академическом пространстве, сколько выступает медиатизирующей тенденцией (по материалам: Минаков, 2008).

Обозначенные характеристики украинского философского пространства, преломленные на дискурс идеологии, результируют в следующее. По сравнению с четкой вертикальной цепочкой, выстроенной в Беларуси, в Украине существует множество «генераторов» научных идей – на фоне критически малого числа «трансляторов» и «реципиентов». Фрагментарность академического пространства, инструментализация (цель – карьера) и коммерциализация научной деятельности – в общем контексте катастрофического ускорения социокультурного времени, часто приводящего к «темпоральной шизофрении» (Д. Рифкин), – привели к тому, что исследователи мало интересуются работами друг друга. Формируется академическое пространство особой конфигурации: с одной стороны, взаимное наложение «старых» вертикальных иерархических и «новых» горизонтальных сетевых структур, с другой – сильные личные связи на фоне слабых агрегаций (и обменов) идей. Используя терминологию Р. Коллинза, интерактивный ритуал здесь характеризуется существенной диспропорцией в пользу эмоциональной энергии, а не состязающихся культурных капиталов (Коллинз, 2002). В условиях аномичного общества «транзита», «Пограничья» и т.д. более актуальной оказывается коллаборация исследователей в сфере «социальной живучести» (К. Видаль), *обеспечения коллективного выживания* (социального и физического), нежели интеллектуальные прения.

Важно отметить, что именно в Украине не прекращались теоретические исследования проблем идеологии и были сформированы определенные тенденции, позже реализованные и в других постсоветских странах. Здесь стоит упомянуть защищенную в 1992 г. докторскую диссертацию по социальной философии нынешнего ректора Киевского национального университета им. Т. Шевченко Л.В. Губерского «Идеология как социокультурный феномен» (Губерский, 2002), вокруг которого сформировалась соответствующая философская школа. Вряд ли отмеченные тенденции были прямо заимствованы белорусскими и российскими коллегами, но очищение понятия «идеология» от советских напластований, его реабилитация вне пейоративных контекстов – на фоне общего моратория на чрезмерно ангажированные понятия и сюжеты – были осуществлены здесь. Сегодня академик Л.В. Губерский – вместе со своими коллегами и соавторами В.П. Андриющенко (ректор Национального педагогического универ-

ситета им. М.П. Драгоманова, глава экспертного совета ВАК Украины по философии, социологии и политологии), Н.И. Михальченко (заведующий отделом в Институте политических и этнонациональных исследований НАН Украины, в прошлом – руководитель службы по вопросам внутренней политики президента Украины) и рядом других – формируют *институциональное ядро* исследований идеологии в Украине. Показательно, что это ядро представлено обладателями государственных премий, званий и наград, занимающими высшие должности в научной и образовательной иерархии Украины. Очевидно, в советское время идеология коммунистической партии была одной из приоритетных и наиболее перспективных исследовательских тем, а в постсоветский период утвердившиеся в данной проблематике ученые сохранили за собой данное исследовательское поле. В данном случае наиболее эвристична методология П. Бурдьё, ведь разработанная тема исследований предстает разновидностью символического капитала, и сохранение собственной тематики, несмотря на научные и политические революции, – это противодействие символической девальвации. Подобная монополия на символический капитал, органично наложенная на украинскую ментальность (со свойственными ей взвешенностью, осторожностью, привычкой «не рубить с плеча»), привела к ренессансу концепта «идеология», парадоксально *синхронизируя* отечественное научное пространство с мировыми тенденциями «реидеологизации». Указанным исследователям удалось сохранить тематику, радикально изменив методологию и ракурс рассмотрения, а также – в силу особого академического статуса – вовлечь в орбиту данного исследовательского поля значительное количество учеников и последователей.

Второй институциональный узел, связанный с *рецепцией* западных теорий идеологии, фактически не сформирован. Здесь можно отметить отдельных акторов, как правило, имеющих «западный» академический опыт (например, докторское исследование В. Кулика, проведенное при поддержке Украинского научного института Гарвардского университета, посвященное дискурсу-анализу украинских медиа, в том числе на предмет представленных в них идеологий (Кулик, 2010)). Институционализация подобных индивидуальных усилий все еще остается проблематичной. Так, созданное Фондом качественной политики англоязычное электронное рецензируемое издание «The Ideology and Politics Journal» («Журнал идеологии и политики»), посвященное «анализу идеологий в их политических, социальных и концептуальных формах»³, с особым акцентом на социально-политических процессах в постсоветских странах, столкнулось с проблемой качественного наполнения. По признанию главного редактора М. Минакова, большая часть подаваемых статей не соответствует установленным требованиям к качеству материала.

Сложившаяся ситуация может быть объяснена как описанными выше проблемами институциональной интеграции украинской философии и социогуманитаристики в мировое пространство, приводящих к флуктуационному при-

сутствию в отечественной академии активных «рецепторов» западных идей, так и *проблематичностью* продолжающейся *теоретической реабилитации марксизма* в Украине. Современный мировой дискурс идеологии отмечен гегемонией постмарксистского подхода. В то же время в украинском научном пространстве постмарксизм «освоен» частично и фрагментарно.

Третий сегмент украинских теоретизаций идеологии представлен единичными исследователями, проявляющими стихийный персональный интерес к проблематике, часто в «контагиозной логике»: переходя к проблемам идеологии от анализа рядоположенных феноменов – мифологии, утопии, общественного сознания и т.д. Здесь не просматривается в качестве значимого фактор основоположника научной школы или рецепции западных идей. Данный феномен характерен для локальных философских сообществ, не объединенных фактором совместного профессионального генезиса (вузы, в кафедральных коллективах которых выпускники разных учебных заведений проводят собственную исследовательскую деятельность автономно друг от друга).

Описание структуры философского пространства будет неполным без упоминания Киево-Могилянской академии как принципиально не-советского образования: возрождение в 1992 г. НаУКМА как структуры, опирающейся на национальную историю, а де-факто ориентированной на западные образовательные образцы, выступило противовесом «старым» институциям, преодолевающим советскую инерционность, а также потенциальным «рецептором» и «транслятором» современных западных идей. Общая социогуманитарная направленность академии, ее роль в отечественном образовательном и научном пространстве перекликается с ролью ЕГУ в Беларуси. В таком контексте симптоматичны перманентные попытки символического исключения данной институции со стороны власти, нацеленные, прежде всего, на ее дискриминацию (а не ликвидацию и исключение, как в случае ЕГУ), и открытая антиправительственная позиция, до недавнего времени демонстрируемая руководством НаУКМА⁴ (например, обращение (Про події, 2014)). Вместе с тем существенная особенность академии, обусловленная ее историей, заключается в особой духовной направленности, связанной с религиозными теориями и практиками.

Значимым узлом отечественного интеллектуального пространства является украинское гуманитарное издательство «Дух и Литера» при Киево-Могилянской академии, выпустившее за 20 лет более 400 книг. Как отметил на недавнем вручении Премии Фундации Антоновичей главный редактор Л. Финберг, после 1991 г. нужно было заново «выстраивать матрицу гуманитарной культуры», и ключевая роль в этом принадлежала книгоизданию, призванному «содействовать преодолению пропасти между украинской и мировой гуманитарными культурами» (Промова Леоніда Фінберга, 2013). При этом своей первостепенной и ключевой задачей издательство видело переосмысление украинской истории, представление альтернатив доминирующим «советским версиям прошлого».

Благодаря поддержке Международного фонда «Возрождение» указанным издательством были опубликованы две программные работы по теории идеологии (причем было оставлено одинаковое название) – «Идеология и утопия» П. Рикера (Рікер, 2005) и К. Мангейма (Мангайм, 2008). Больше количество работ посвящены разоблачению идеологий XX в.: Х. Арендт «Истоки тоталитаризма», К. Зонтхаймер «Как нацизм пришел к власти», Ф. Фюре «Прошлое одной иллюзии. Очерк о коммунистической идее в XX веке» и др.

Можно отметить *недостаточную представленность* идеологической проблематики в корпусе изданных в постсоветской Украине произведений западных авторов, что может быть объяснено уже отмеченной гегемонией постмарксизма в мировых исследованиях идеологии, с одной стороны, и консервативной идеологической направленностью некоторых издательств, имплицитно деконструирующих «советскости» антисоциалистическую компоненту и мораторий на идеологию, с другой. Показательно, что в указанном публичном выступлении главный редактор издательства «Дух и Литера» Л. Финберг назвал директора издательства К. Сигова «основным идеологом» (Промова Леоніда Фінберга, 2013) книгоиздательской деятельности, что вызвало неприятие последним данного маркера в свой адрес⁵. Очевидно, в широких интеллектуальных кругах исследователей, непосредственно не связанных с идеологическим дискурсом, слово «идеология» сохраняет свое пейоративное значение и нагруженность советскими коннотациями. При этом проявляется большая лояльность к иноязычным субститутам термина «идеолог» – «*policy maker*» и «*thought leader*» (которые, впрочем, в отличие от «трендсеттера» и «стейкхолдера» не имеют устоявшихся кириллических эквивалентов).

Теоретизации идеологии в Украине: контент-анализ

За исключением указанной докторской диссертации по социальной философии академика НАН Украины Л.В. Губерского «Идеология как социокультурный феномен» (Губерський, 1992), в 1990-е гг. в Украине отсутствовали диссертационные исследования, связанные с идеологической проблематикой. В этот период происходила практическая рецепция либеральной идеологии (как цивилизационной альтернативы, идеологии «победителя» в холодной войне), параллельно формулировалась украинская национальная идея, предпринимались попытки переосмысления истории в не-советском ключе – на фоне критики марксистско-ленинской идеологии и дистанцирования от мышления в «идеологической парадигме» (де-факто вписанного в парадигму «деидеологизации»). Но уже во второй половине 1990-х на страницах журнала «Віче» (издание Верховного Совета Украины) формируется интеллектуальная дискуссия о необходимости создания новой идеологии (Гавриленко, 1996; 1997; Слюсаревський, 1999), также появляется ряд публикаций в других изданиях (До-

донов, 1996; Михальченко, 1998). Резонансно издание в 1997 г. сборника эссе украинского диссидента В. Лисового под названием «Культура – идеология – политика», в которых дезавуируются стереотипы негативного восприятия тоталитарным сознанием понятия «государственная идеология», основанного на отождествлении государства и общества и чрезмерной политизации понятия «идеология» (Лисовий, 1997: 77–78). В 1999 г. в «полярных» регионах Украины выходят в свет две монографии, связанные с идеологической проблематикой: в Ивано-Франковске – книга политика-депутата нескольких созывов (совмещающего политику с научной деятельностью) В.И. Кафарского «Нация и государство: культура, идеология, духовность»; в Харькове – монография докторского исследования по социальной философии О.И. Заздравновой «Идеология в эволюционирующем социуме». Несмотря на то что монография Заздравновой является одним из первых масштабных теоретических исследований идеологии в новом ключе, содержит оригинальные идеи, а также вводит в украинское научное пространство идеи западных теоретиков, она не может быть отнесена к институциональному ядру идеологического дискурса – в первую очередь, в силу социальных причин. Вокруг исследовательницы не было сформировано научной школы, и предложенные идеи хоть и отражены в работах других исследователей, но не оказали прямого влияния на содержание теоретического «мейнстрима» идеологического дискурса. Стоит отметить, что докторская диссертация была защищена в 2002 г. – через 3 года после выхода монографии.

Новое тысячелетие было обозначено активизацией научных разработок идеологической проблематики. Симптоматично, что одними из первых к данной тематике обратились исследователи в Совете национальной безопасности и обороны Украины. В 1998 г. была опубликована монография М.Д. Мищенко «Идеология, социальная мифология и трансформационные процессы в украинском обществе», в которой была предпринята попытка выявления «доминирующих в общественном сознании идеологием и мифологием в формировании политики приватизации и ее течения, проблемам социальной напряженности» (Мищенко, 1998). В 2010 г. в спецсовете данной институции (РНБО) было защищено кандидатское диссертационное исследование И.Н. Миклашука на тему «Политическая идеология как фактор национальной безопасности Украины», ключевая идея которого состоит в акцентировании необходимости *выработки государственной идеологии для укрепления национальной безопасности* (Миклашук, 2010).

В 2000 г. появляются две монографии теоретико-социальной направленности: социологическое исследование И.М. Поповой «Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают» (Институт социологии НАН Украины) и социально-философское исследование В.А. Тарана «Идеология переходного общества: (социально-философский анализ идеологического процесса в постсоветской Украине)» (Запорожский юридический институт). В монографии к

докторской диссертации В.А. Тарана формулируются идеи, впоследствии закрепившиеся в украинском теоретическом дискурсе идеологии:

1) маркирование украинского общества как *переходного* – с акцентированием необходимости «идеологического обеспечения» данного транзита и, как следствие, «потребность в «реабилитации» идеологии в ее функциональном значении» (Таран, 2000: 8, 9);

2) обозначение советской идеологии «*моноидеологией*» (в противовес нынешнему идеологическому плюрализму), от мировоззренческих стереотипов которой еще предстоит избавиться;

3) диагностика современного «идеологического состояния» Украины как «*механической совокупности* разнонаправленных идеологических направлений и течений» – при «неспособности украинского общества найти адекватную своим социальным чаяниям идеологическую доктрину» (Таран, 2000: 9). Показательно, что при этом исследователь ссылается на опыт реидеологизации «подавляющего большинства других переходных обществ, в частности России, Узбекистана, Казахстана, Беларуси» (Таран, 2000: 10);

4) теоретическое разведение терминов «государственная идеология» и «государственническая идеология» на фоне утверждения, что *содержательно* государственная идеология может носить антигосударственнический, псевдогосударственнический и собственно государственнический характер.

Этатизация идеологического дискурса является ключевой чертой украинских теоретизаций 2000-х гг. Подавляющее большинство исследователей подчеркивают необходимость выработки государственной идеологии, настаивая, что именно государство является ключевым субъектом идеологического пространства. Согласно ст. 15 Конституции Украины, ни одна идеология не может быть признана государством как обязательная, а общественная жизнь в Украине основывается на принципах идеологического разнообразия. Ключевая идея отечественных исследователей заключается в том, что идеологическое многообразие должно существовать в рамках консолидированного идеологического поля, «собираемого» общими ценностями, направленными на процветание государства. При этом вводятся такие концепты, как «государственническая идеология» (Таран, 2000; Колотило, 2006), «государственно-созидающая идеология» (Миклашук, 2010), «интегративная идеология» (Смагін, 2002; Риженко, 2008).

Как отмечает В.А. Таран, *государственническая идеология* – это «наиболее приоритетная форма государственной идеологии», в которой «находят возможность “гармонизироваться” принципы этнонациональной, территориально-региональной, религиозно-конфессиональной и корпоративной идеологии и которой “подчиняются” любые мировоззренческо-идеологические позиции» (Таран, 2000: 271). В.В. Колотило настаивает, что государственническая идеология представляет фундаментальный уровень существования идеологии, а государственная – оперативный, представая практической реализацией первой

(Колотило, 2006: 5). При этом национальная идея является центральным элементом государственнической идеологии (Колотило, 2006: 10).

Государственно-созидающая идеология, по мысли И.Н. Миклащука, должна содержать «стратегические основы геополитического выбора страны, стратегию устойчивого социально-экономического развития Украины и содействовать проведению эффективной политики национальной безопасности государства» (Миклащук, 2010: 3). При этом подчеркивается, что государственно-созидающая идеология является *особой формой* политической идеологии (Миклащук, 2010: 4), общенациональной, надпартийной основой, своеобразным планом утверждения и сохранения государства (Миклащук, 2010: 17). Подчеркивается, что «деидеологизация украинских политических партий способствует усугублению кризисных явлений политической системы» (Миклащук, 2010: 6).

В кандидатском исследовании И.И. Смагина, выполненном по наукам государственного управления, также используется термин «государственническая идеология», который дефинируется как «сущностная характеристика основной направленности любой идеологии общественного идеологического поля *в поддержку ценностей национальной государственности*» (Смагин, 2002: 11). При этом подчеркивается, что полиидеологичность свойственна гражданскому обществу, а «государственное управление должно происходить в рамках определенной *интегративной идеологии*», и на данном историческом этапе интегративная идеология и есть государственническая идеология субъектов общественно-политической жизни, ведь идея государственности для украинского общества сегодня ключевая (Смагин, 2002: 11). Важный акцент ставится на интерпретации конституционных норм: доказывается, что Конституция запрещает не саму идеологию, а механизм ее внедрения (Смагин, 2002: 11).

Обозначенные идеи нашли развитие в политологическом исследовании Е.С. Рыженко, посвященном рассмотрению *интегративной идеологии* как комплекса идей и ценностей, консолидирующих общество, некой зоны идеологического консенсуса. При этом интегративная идеология рассматривается как «внешнее проявление украинской национальной идеи» (Риженко, 2008: 12). Однако подчеркивается, что она (идеология) имеет принципиально синтетический характер, сочетая либеральные, консервативные, социалистические и социал-демократические ценности (Риженко, 2008: 10). Более того, утверждается, что «со второй половины XX ст. идеология рассматривается *уже не как* тотальная система идей, а как выражение их плюралистического множества» (Риженко, 2008: 10).

Общий знаменатель всех исследований данного периода – подчеркивание **конструктивного** потенциала, функциональности идеологии, особенно на данном этапе развития украинского общества. Смысловой акцент ставится на содержательном наполнении, которое не столько фиксируется или прямо предписывается, сколько предстает предметом теоретических намеков. Иными сло-

вами, речь идет не о том, какой конкретно является или должна быть идеология, а о том, каково ее функциональное предназначение – консолидация общества и выживание/развитие украинского государства. Терминологическое разведение государственной и государственноческой идеологии (используемое большинством авторов) подчеркивает эту идею: важность не официального признания государством любых идей как обязательных, а поиск и поддержка/лоббирование приемлемых для большинства идей и ценностей. То есть действенность идеологии обусловлена ее легитимностью, а не легальностью (М. Вебер). При этом четко выявляются болевые точки, препятствующие идеологической консолидации общества: разобщенность и не-патриотичность элит, внешние информационные воздействия (при отсутствии мер противодействия им), ценностно-поведенческая преемственность (Риженко, 2008: 13). Отдельно отмечается, что особая опасность связана с декларативностью возможной идеологии, при этом недееспособность идеологических нововведений связывается, в частности, с их несистемностью (Смагін, 2002: 15). К основным идеям, формирующим зону идеологического консенсуса, относят:

1) «процветание, законность и правопорядок, патриотизм, справедливость, свободу» (Смагін, 2002: 18);

2) личность как основную ценность, а государство – как производное от нее (Миклашук, 2010: 5); «от индивидуализма как достоинства личности к цивилизму как активному гражданству» (Колотило, 2006: 11);

3) «построение правового государства, формирование гражданского демократического общества и становление рыночных отношений» (Белобров, 2005: 6);

4) свободу (Миклашук, 2010: 10), демократизацию, политическую нацию, гражданское общество;

5) ориентацию на европейские культурные ценности; права и свободы человека, защиту национальной, культурной и духовной идентичности (Миклашук, 2010: 6).

Парадоксально, но автор, опирающийся на европейские культурные ценности и де-факто перечисляющий идеологемы, относящиеся к либерализму, настаивает на антиглобализме как существенной составляющей украинской государственно-созидающей идеологии (Миклашук, 2010: 5).

Осуществляются попытки операционализации предлагаемых реформ, обозначающие приоритетные сферы изменения и общий алгоритм действий. Так, В.А. Сарапин, рассматривающий *ускорение реформ* как «главное средство стабилизации развития» (Сарапін, 2005: 2), настаивает на *комплексности* производимых изменений, которые должны охватывать экономическую, политическую и духовную сферы, а также предлагает ряд конкретных шагов, которые должны показать свою эффективность в течение 7–10 лет (Сарапін, 2005: 15). Его коллега Б.Д. Белобров считает идеологию *«устойчивого человеческого развития»* общей идеологией социально-экономических и политических трансформаций в

Украине (Белобров, 2005: 14), при этом особая роль отводится «экономическому просвещению», формированию правовой культуры населения, экономическим преобразованиям и социальной защите (Белобров, 2005: 15). Идее государственной идеологии воспитания человека посвящено отдельное диссертационное исследование по государственному управлению (Лола, 2007).

В.В. Колотило предлагает следующий алгоритм преобразований: определение национальной идеи, выработка стратегии социального развития, выделение сфер *социальной модернизации*, путей и способов ее осуществления (Колотило, 2006: 5). При этом ключевой целью провозглашается «утверждение национальной конкурентоспособности как условие вхождения в мировое сообщество» (Колотило, 2006: 10). Е.С. Рыженко акцентирует внутреннее наполнение интегративной идеологии, которая должна быть направлена на «формирование и конструктивное функционирование *исторической памяти, украинской мечты и смысла жизни*» (Рыженко, 2008: 6), при этом оговаривая, что действенность идеологии должна «подкрепляться реальным социально-политическим развитием и экономическим ростом» (Рыженко, 2008: 10) и опираться на формирующийся средний класс (Рыженко, 2008: 14). И.И. Смагин настаивает на *формировании государственнического сознания* в результате политико-идеологической деятельности государства у представителей общественных институций, призванных стоять на страже территориальной целостности и суверенитета Украины (Смагин, 2002: 5). Особая роль в приобщении к интегративной идеологии отводится созданию *позитивного информационного пространства* и системе образования (Смагин, 2002: 15, 19). Но ключевые идеологемы, по мысли исследователя, должны быть закреплены в нормативно-правовых актах, а основное внимание следует уделять определению *путей реализации* идей, в том числе уже задекларированных (Смагин, 2002: 14–15).

Показательно то, что все указанные исследования рассматривают Украину как общество «трансформации», при этом избегая сущностного обозначения узловых точек данного «транзита». В некоторых работах используется бинарная оппозиция «старое – новое/современное» вне попыток формулирования специфики «современного» (Миклащук, 2010: 9). Как, например, означает В.А. Сарапин: «Разрушение СССР и создание независимых государств поставили вопрос о форме и способе перехода от *бывшего* состояния общества к *новому, современному*» (Сарапин, 2005: 4). Д.Б. Белобров очерчивает вектор трансформации таким образом: «от тоталитарного общества к демократическому, от государственно-плановой экономики к рыночной, от моноидеологических приоритетов к плюралистичным, *общечеловеческим*» (Белобров, 2005: 10). В.В. Колотило более резко высказывается в адрес распространенных маркеров: «современные интеллектуальные дискуссии относительно проблем «европеизации», «вестернизации», «постиндустриализма» и перспектив интеграции нашей страны в структуры цивилизованного сообщества предстают для социально

уязвимых слоев населения воплощением некоего “*зазеркалья*”, никак не влияющего на их существование» (Колотило, 2006: 11). На этом фоне значительная часть работ имплицитно содержит идею «своего пути», апеллирующую к национальной истории, менталитету (Риженко, 2008: 9) – при эксплицитном декларировании конституционных формулировок либерального толка (правовое, социальное, демократическое государство). В нескольких работах (Миклашук, 2010; Риженко, 2008) метафора транзита дополнена метафорой «буферной зоны»: вовлечение топологической терминологии несет негативные коннотации, связанные с тематикой «угрозы», «сепаратизма», «неоднородности».

Большая часть диссертационных работ, связанных с идеологической тематикой, выполнена по политологии (специальность 23.00.03 – политическая культура и идеология); есть также работы по государственному управлению и философии (социальной философии и философии истории, а также философской антропологии, философии культуры). При этом имплицитно присутствует полемика относительно «конфессиональной принадлежности» проблематики и монополии на данное исследовательское пространство. В исследовании под руководством доктора философских наук, академика НАН Украины В.П. Андрущенко отмечается: «С самого начала ученые социогуманитарного профиля были практически отстранены от дискуссий. Вся социогуманитарная наука, существовавшая в бывшем СССР, была объявлена ложной. Захватив “прогностическую инициативу”, политики, пришедшие к власти, пытались создать стратегическую модель социального развития государства, так сказать, с “чистого листа” или по “компетентному” совету западных экспертов. Как показала практика, эта попытка успеха не имела. Общество вошло в круг новых противоречий» (Сарапін, 2005: 3). Далее разворачивается мысль о ключевой роли отечественных ученых в осуществлении фундаментальных изменений. А в исследовании, выполненном в Украинской академии государственного управления при Президенте Украины, «идеология созидания государства» противопоставляется «философии созидания государства» как «определенной мотивации, риторике», т.е. – неявно – пустопорожним разговорам (Смагін, 2002: 15). В ряде исследований подчеркивается роль идеологов как субъектов выработки и формулирования идеологии (Губерський та ін., 2002: 129; Миклашук, 2010: 15).

Перекрестный контент-анализ текстов авторефератов позволил выявить несколько устойчивых понятийных конструктов, связываемых с идеологическим дискурсом и выражающих парадигмальную ангажированность последнего: «*конструктивный*», «*устойчивое развитие*», «*система*», «*мировоззренческо-идеологический*». Так, идеологии устойчивого развития посвящено отдельное диссертационное исследование (Белобров, 2005), но понятийный конструкт самоочевидно упоминается (а не проблематизируется) в большинстве работ. Системность является слепой точкой большинства теоретизаций, при этом подчеркивается, что любая идеология является системой, трансформации должны

носить системный характер, общество рассматривается как система (без ссылок на признанных представителей системного подхода в социологии). Стоит отметить, что содержательное наполнение диссертационного исследования по идеологии системных реформ (Сарапін, 2005) во многом синонимично коллективной монографии белорусских авторов (Ермолицкий, Сапелкин и др., 1999), которая выступила первой попыткой реализации задания Администрации Президента Республики Беларусь по выработке государственной идеологии (впоследствии признанной заказчиком неудовлетворительной в силу чрезмерной теоретичности). Наконец, частое употребление термина «*мировоззренческо-идеологический*», с одной стороны, содержит отсылку к киевской мировоззренческой школе как наиболее значимой отечественной философской традиции (тем самым конструируя научную преемственность), с другой – способствует реализации задачи очищения понятия «идеология» от негативных коннотаций, его наполнения позитивным (в данном случае мировоззренческим, ориентационным) смыслом.

Помимо рассмотренных диссертационных исследований, составляющих «*академический мейнстрим*» идеологического дискурса, который может быть условно маркирован как **этанитарный** и **практико-ориентированный**, существуют также маргинальные относительно него работы теоретической направленности, рассматривающие идеологию как социальный и антропологический феномен. К ним могут быть отнесены выше упомянутая докторская диссертация О.И. Заздравновой «Идеология в эволюционирующем социуме» (Заздравнова, 2002), а также кандидатские диссертации М.В. Липина «Идеологические детерминанты человеческой жизнедеятельности: социально-философский анализ» (Ліпін, 2007) и Ю.А. Павленко «Антропологические измерения идеологии» (Павленко, 2010). Общим знаменателем данных теоретических построений является дистанцирование от политической и государственной сфер, их рассмотрение как *одной из* сфер существования идеологии, а также попытки *метаисторической* концептуализации идеологии.

О.И. Заздравнова рассматривает идеологию как «атрибутивную духовную составляющую эволюционирующего социума», которая в современных реалиях выполняет «функцию *конструктивно-синтезирующей основы интеграции* общественного сознания», выступает фактором консолидации сил, задает шкалу социальных приоритетов (Заздравнова, 2002: 2, 4, 8). Автор рассматривает широкий спектр проблем: от идеологии как веры, идеологической коммуникации, идеологии как социальной теории и системы ценностей до национализма, политики, морали и даже «постмодернизма как органической идеологии современности» (всего 10 разделов). При этом обработан значительный массив актуальных теоретических источников. Отмечается, что «индивидуальное сознание поднимается на уровень общественного через идеологическую составляющую», идеология связана с «субъектным взаимодействием», она «обосновывает прак-

тическую необходимость *подчинения* индивида нормам человеческого общежития» (Заздравнова, 2002: 12). Идеология формирует индивида как субъекта социального творчества, при этом ценности, к которым она апеллирует, – не столько утилитарно-прагматичные, сколько *перспективно-смысловые* (Заздравнова, 2002: 13). Генеральная линия *рационализации* общественной жизни и связанная с ней идеологическая *редукция* представляются в работе залогом социальной *стабильности*.

Диссертация содержит анализ и текущей ситуации в Украине, которая оценивается как парадоксальная – «идеологический вакуум в условиях плюрализма идеологий» (Заздравнова, 2002: 22). Автор подчеркивает, что на сегодня ни у одной идеологии нет достаточных оснований, чтобы стать общенациональной в Украине (Заздравнова, 2002: 3), при этом скептически оценивая усилия политиков в этом направлении (Заздравнова, 2002: 2). Отмечается опасность сохранения идеологии тоталитарного общества в другом, «более цивилизованном виде»: «массовое политическое сознание посттоталитарного общества если и склоняется в пользу демократии, то содержание последней сводит исключительно к ломке старого и воспроизводству нового по образу и подобию старого» (Заздравнова, 2002: 16).

Авторский проект предполагает формулировку «новой идеологической парадигмы», которая подразумевает неустранимую плюральность как антидот тоталитаризму и гуманизм как смысловой стержень. Украинское общество рассматривается как переходное, этот переход обозначается вектором от тоталитаризма к демократии. Подчеркивается, что Украина должна преодолеть навязанный провинциализм и вернуться в «основное русло европейской цивилизации» (Заздравнова, 2002: 17, 21).

Исследование Ю.А. Павленко центрируется проблемой «субъекта идеологии»: значительная часть работы посвящена рассмотрению генеалогии категории «субъект» в европейской философии (от Р. Декарта до Ж. Лакана). Особое внимание уделяется современному течению дискурс-анализа идеологии, предполагающему критический анализ медиа-контента. Авторская оптика характеризуется интерпретацией «антропологических аспектов идеологии как *субъективной составляющей политических процессов*» и комплексным антропологическим анализом «идеологии как феномена человеческого *мироотношения*» (Павленко, 2010: 4, 5). Проблема идеологии связывается с такими концептами, как субъективность, идентичность, мироотношение, целеполагание, а также интерпелляция, отчуждение, манипуляция, гегемония. Выдвигается тезис о «вечности идеологии», предполагающий трактовку «деидеологизации» как «нулевого уровня» идеологии, вписанного в систему идеологических модусов (Павленко, 2010: 18). Работа характеризуется существенным семиотическим акцентом, активно вовлекая понятия «дискурса» и «речевых актов».

Тематически связана с обозначенными исследованиями диссертация М.В. Липина, рассматривающая идеологию как атрибутивную составляющую социума (подобно О.И. Заздравновой) в контексте смысловыбитийного целеполагания личности (подобно Ю.А. Павленко). Но методологически она отлична от вышеупомянутых работ своей спиритуалистической направленностью. Идеология рассматривается как результат *секуляризации*, который препятствует полноте человеческого бытия и который должен быть преодолен. Теоретическое ядро работы составляют труды философов Серебряного века. Таким образом, «маргинальность» исследования относительно существующего идеологического дискурса обусловлена не столько деэтизацией феномена (сферы политики и экономики признаются основными сферами существования идеологии (Ліпін, 2007: 9)), сколько *смещением смысловых акцентов с социального на трансцендентное*. Идеология признается «эффективным способом упорядочения эмпирического измерения человека», «*рассудочным* средством ориентирования в мире» (Ліпін, 2007: 10), приводящим в конце концов к «кризису смысла», «обострению чувства бессмысленности человеческого бытия» (Ліпін, 2007: 9, 16). Нерв работы состоит в противопоставлении духовности, полноты – социальной прагматике, рассудочности, частичности. Отмечается, что идеология выполняет конструктивную роль, если «осознается как лишь *момент в тотальности* человеческой жизнедеятельности» (Ліпін, 2007: 11).

Для формализации полученных данных, а также выявления скрытого содержательного слоя работ был проведен частотный контент-анализ терминов, используемых в диссертационных исследованиях. Результаты представлены в сводной таблице (табл. 1), а ключевые концепты – на схеме (рис. 1). Информация визуально разделена следующим образом: «академический мейнстрим» – в левой части таблицы, «маргинальные» относительно него исследования – в правой.

Представленная таблица содержит перечень наиболее часто используемых в работах терминов⁷, которые могут быть разделены на 4 кластера. С точки зрения сущности идеологии, базовой сферы ее существования можно выделить: 1) *этатизм*, предполагающий системность, понимание идеологии как политического феномена, наиболее выразительно представленного в его государственной ипостаси (понятия «государство», «политический», «гражданский», «система»); 2) *антропоцентризм*, ориентированный на понимание идеологии как антропомерного феномена, значимого на уровне конкретной субъектности, задающего социокультурные ориентиры личности (понятия «человек», «личность», «субъект», «сознание», «жизнь», «ориентир», «культура»). По аксиологическому критерию также выделены 2 группы: 1) *апология* (понятия «функция», «ценности», «развитие», «стабильность», «целостность»); 2) *критика* (понятия «миф», «доминирование», «манипуляция», «иллюзия»).

Таблица 1. Частотный контент-анализ категориального аппарата диссертаций

Термин ⁶	Смагин, 2002	Сарапін, 2005	Белобров, 2005	Колотило, 2006	Рыженко, 2008	Миклашук, 2010	Ср.1	Заздравнова 2002	Ліпін, 2007	Павленко, 2010	Ср.2	Ср. общ.
Идеология	293	19	19	159	181	126	133	301	120	160	194	164
Государство	162	44	27	41	33	130	73	24	1	8	<i>11</i>	42
Политический	41	61	36	41	78	159	70	96	7	39	47	59
Гражданский	10	1	5	6	17	33	12	4	0	0	<i>1,3</i>	7
Система	53	36	37	17	23	50	36	22	7	21	17	27
Ценности	34	10	13	9	48	6	20	48	14	6	23	22
Функция	21	3	3	20	11	7	12	37	2	17	19	16
Развитие	8	37	89	19	45	31	38	14	7	13	11	25
Модернизация	0	3	2	4	1	1	<i>1,8</i>	0	0	0	0	0,9
Стабильность	0	2	3	0	4	1	<i>1,7</i>	4	0	1	<i>1,7</i>	<i>1,7</i>
Целостность	3	3	5	2	4	4	<i>3,5</i>	3	25	1	10	7
Миф	0	1	0	20	2	1	4	12	2	2	5	<i>4,5</i>
Доминирование	0	1	1	6	0	1	<i>1,5</i>	1	3	0	<i>1,3</i>	<i>1,4</i>
Манипуляция	0	0	1	7	1	0	3	0	0	4	<i>1,3</i>	<i>2,2</i>
Иллюзия	0	1	0	4	0	0	<i>0,8</i>	3	2	2	<i>2,3</i>	<i>1,6</i>
Бытие	1	0	2	9	2	1	5	23	22	21	22	14
Человек	5	14	88	9	14	15	24	86	82	21	63	44
Личность / Субъект	13	13	2	7	7	13	9	9	43	78	43	26
Жизнь	17	12	19	17	21	9	16	27	35	10	24	20
Сознание	15	6	10	17	6	5	10	54	16	22	31	21
Культура	2	7	11	7	15	12	9	38	12	17	22	16
Коммуникация	1	0	1	2	5	0	<i>1,5</i>	16	1	9	9	<i>5,3</i>
Ориентир	1	7	1	4	7	4	4	35	18	2	18	11
Знание	2	0	0	3	0	1	<i>1</i>	40	11	8	20	<i>10,5</i>

В таблице представлены абсолютные значения показателей, поскольку объем авторефератов регламентируется довольно узкими рамками, докторская диссертация имеет больший вес в академическом пространстве. Кроме того, абсолютные показатели дают более наглядную картину. Стоит отметить, что приведенные данные могут быть интерпретированы не только в разрезе обозначенных критериев. Так, в двух работах (Сарапін, 2005; Белобров, 2005) понятие «идеология» встречается практически в 10 раз реже, чем в остальных, что свидетельствует о «сопутствующем» характере термина, который не предстает основным объектом исследования. Индивидуальные всплески частотности отражают специфику авторской оптики: так, для В. Колотило значима мифологическая компонента идеологии (показатель 20 против среднего 1–2 в группе), для М. Липина важна целостность как антитеза идеологичности (показатель 25

против среднего 4 по группе), Д. Белобров проецирует концепцию устойчивого развития на человека (показатель 88 против среднего 10 по группе) и т. д.

Рис. 1. Концептуальные связи в диссертациях⁸

Общие *тенденции* сводятся к следующему. Сформировавшееся теоретическое ядро «академического мейнстрима» тяготеет к этатистской интерпретации идеологии на фоне утверждения ее конструктивного потенциала и функциональности в общественном развитии. При этом негативные импликации феномена остаются вне поля заинтересованного внимания. Маргинальные относительно данного ядра работы, репрезентирующие философский подход, акцентируют микросоциальный уровень существования идеологии, субъектные импликации феномена. Симптоматична частота употребления понятия «бытие» (22 против 5 в первой группе) как маркер дисциплинарной принадлежности работ. В исследованиях этой группы большее внимание уделяется критике идеологии, нивелируется государственный, политический аспект. Распределение частоты использования терминов в группах исследователей («академический мейнстрим» vs «маргинальные» исследования) по выделенным критериям этатизм – антропологизм, апология – критика представлено в обобщенном виде на рис. 2. Очевиден существенный разрыв обобщенных показателей по оси этатизм – антропологизм (48–9,3 в первой группе, 19–29 – во второй) и незначительное отличие по критерию апология – критика (13–2,3 и 11–2,6 соответственно). Маргинальные относительно «академического мейнстрима» исследования предлагают несколько более сбалансированную картину функционального назначения идеологии, рефлексировав как ее конструктивный потенциал, так и манипулятивную сущность.

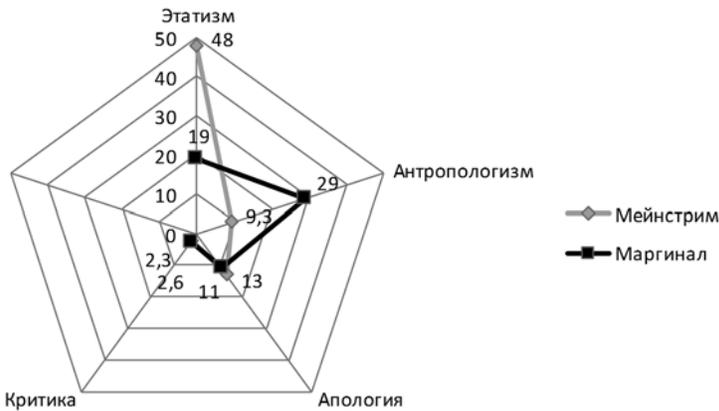

Рис. 2. Частота использования терминов в группах по кластерам

Заключение: идеология как теоретическая и практическая проблема в Пограничье

Проведенное исследование доказывает эвристичность метафоры Пограничья применительно к Украине и Беларуси. В отличие от эволюционистских импликаций понятий «транзит» и «трансформация», предполагающих «догоняющую модернизацию», «Пограничье» акцентирует специфику региона, принципиально не устранимую ни временным, ни волевым фактором. Поскольку метафоры предстают продолжением научного исследования иными средствами (при исчерпанности строго научных моделей), вполне уместно в данном контексте обратиться не к стандартным геополитическим сюжетам, опирающимся на блоковую структуру мира, но к иллюстрациям из сферы географии. Места стыка литосферных плит предстают наиболее «непредсказуемыми», мультивариативными участками, в которых могут образовываться и горные массивы, острова (складки), и впадины (расхождения), и вулканы, участки повышенной сейсмической активности (разломы). Именно геологические события, сконцентрированные в таких участках, обуславливают архитектуру географического пространства в целом. Подобная интерпретация снимает «окраинные сюжеты» миноризирующего толка, взамен предлагая истолкование Пограничья не как локуса «между», а как «особого места», *топоса*, потенциальной точки бифуркации, способной «взломать» существующую геополитическую структуру, смещая центры притяжения.

Анализ дискурса идеологии дезавуировал миф о цивилизационном лидерстве России среди «братских народов», задающей тенденции развития региона. Сегодняшний «бум на идеологию», проявляющийся на постсоветском простран-

стве свою специфику, имеет теоретические истоки в Украине, а практические – в Беларуси. Именно в Украине не прекращались теоретические разработки идеологической проблематики (школа академика Л.В. Губерского) – на фоне общего моратория на дискредитированные советским прошлым концепты и концепции, равно как и на «идеологическую парадигму» как таковую. А в Беларуси возник первичный импульс практической реабилитации идеологии в социально-политической сфере. Именно президент А.Г. Лукашенко заявил о необходимости создания государственной идеологии, консолидирующей общество и задающей социокультурные ориентиры. Впоследствии возрождение идеологии и как теоретической, и как практической проблемы стало общей тенденцией постсоветского пространства, точно схваченной названием монографии российского исследователя Б.Ф. Славина «Идеология возвращается» (хотя и с временным лагом в 10 лет (Славин, 2009)).

Несмотря на то что обозначение Беларуси и Украины как Пограничья зачастую имеет внешний, объектный характер, не находя коррелятов в самоидентификациях региона (см., напр.: Осин, 2012), подобная исследовательская оптика эвристична, поскольку позволяет зафиксировать общие черты. Идеологический анализ показал существенную гомологию исторических ритмов указанных стран. После распада СССР произошла ментальная деидеологизация (сопровождавшаяся аномией и мировоззренческой дезориентацией) – на фоне нормативного закрепления либеральных идеологием в текстах конституций (многие из которых, впрочем, никогда не «работали»). Адаптация к рыночной экономике сопровождается акцептацией идеологема успешности и денег как универсального критерия последней, а также повседневных практик коммодификации. Параллельно происходит национальное возрождение, во многом усилиями пассионариев, иницилирующих данные импульсы еще в советское время (диссиденты, диаспора).

Во второй половине 1990-х гг. обозначается новая тенденция – **ретрадиционализация**, которая, в контексте сохранения рыночных отношений, предстает гибридной формой *ресоветизации* и *неофеодализации* (в Беларуси тяготеющая к первому, в Украине – ко второму). Ключевая черта, общая для анализируемых стран, – **фасадность** и **инструментализация**, применительно к научной сфере результирующие в катастрофическое падение интереса к научному продукту. (Респонденты из обеих стран на вопрос, читают ли они труды коллег, отвечали: «А зачем?».) Показательно в данном контексте доминирование двух идеологием времен президентства В. Януковича: артикулируемая *идеологема Покращення* (укр. улучшения) – фасадный план государственной стратегии, имплицитный модерную идею Прогресса, и латентная *идеологема Семьи* как маркер глубинных социально-политических процессов феодализации страны.

Структура академического пространства Пограничья имеет сходные и отличительные черты. Прежде всего, значимо сосуществование «старых» иерархи-

ческих структур советского типа и «новых» горизонтальных ассоциаций исследователей (Кебуладзе, 2012), но в Беларуси последние имеют полумаргинальный статус, подвергаются перманентным практикам исключения (физического и символического). В целом белорусская академия более гомогенна и монолитна, а украинская представлена слабо скоординированными региональными центрами. Это характерно и символическим пространствам стран в целом: идеологическая *стратегия унификации* в Беларуси противостоит *стратегиям фрагментации* в Украине, где более «политически капитализируемы» *игры на различиях*. Значимым фактором существования социогуманитарной науки является наличие *цензуры*, которая в Беларуси производится государством, «фильтрующим» исследования на предмет практической применимости и соответствия «официальному курсу», а в Украине исходит от научного сообщества, что является универсальной характеристикой науки как социального института.

Теоретизации идеологии можно условно разделить на *«академический мейнстрим»* и *«маргинальные»* относительно него исследования, причем содержательно белорусские и украинские работы во многом синонимичны. Теоретическое ядро концепций «мейнстрима» составляет акцентирование *конструктивного* потенциала идеологии как фактора *консолидации* общества и необходимости выработки *государственной* идеологии (*этатизация идеологии*). Правда, в Украине отсутствует «канон» государственной идеологии, что приводит к большей произвольности в формулировании ее содержательного наполнения. Национальная идея – в принципиально неэтническом, гражданском истолковании – составляет ядро предлагаемой идеологии, но органичной средой для развития нации в Беларуси признается «славяно-православное сообщество народов» (Мельник, 2007: 182), Союзное государство Беларуси и России как «форма реализации белорусской национальной идеи в условиях глобализирующегося мира» (Мельник и др., 2008: 42), а в Украине – «возврат в основное русло европейской цивилизации», «преодоление навязанного... узкого провинциализма и восстановление разорванных духовных связей с культурой европейской цивилизации» (Заздравнова, 2002: 17, 21). Совпадают источники базы «мейнстримных» исследований – наибольшее распространение получили три историко-философских сюжета: 1) концептуализация идеологии в контексте социологии знания К. Мангейма, вероятно, наиболее удачно вписывающаяся в апологетический дискурс; 2) теоретический сюжет *деидеологизации* – *реидеологизации*, связанный с именами Д. Бэлла и его последователей, выступающий доказательством непреходящей актуальности концепта; 3) ссылки на *отечественных исследователей*, являющихся признанными экспертами в данной сфере (в количественном отношении значительно преобладающие над ссылками на зарубежных теоретиков). Идеи западных мыслителей представлены в работах, маргинальных относительно указанного «мейнстрима»: это преимущественно современный дискурс-анализ, ориентированный на выяв-

ление идеологических меседжей в публичных нарративах. Идеи современных «левых» теоретиков, критикующих идеологию буржуазного общества глобального капитала, не актуализированы в академическом пространстве Пограничья, возможно, как не отвечающие экономическим и политическим реалиям региона.

В целом Украина обозначена большей устремленностью в евроатлантическое социокультурное пространство, что отражается в большей либерализации образовательной и научной сфер, а также декларируемой их идеологической нейтральности (конституционная норма о том, что преподавательская кафедра не может быть использована для пропаганды любого рода). Это приводит к распространению тенденций постиндустриального типа, когда идеология «перетекает» из сферы образования в сферу масс-медиа, которая является принципиально множественной, мозаичной и фрагментаризованной. В результате имеем «индустрию сознания» (А. Гоулднер), дезлитизацию производителей идеологического продукта, деиерархизацию (сетевизацию) идеологической структуры на фоне современных тенденций актуализации образования как идеологического аппарата государства (А. Грамши) в Беларуси. Институционализация идеологической работы в белорусской «академии» (включение соответствующих разделов в учебные планы и нагрузку преподавателя) не имеет украинских аналогов.

Сегодня проблема идеологии стоит очень остро именно в практической плоскости. Оппозиция в Беларуси сетует на отсутствие жизнеспособных альтернатив «официальному курсу» (Фурс, 2008: 10), в то время как в Украине реализуются опасения, изложенные в исследовании И. Миклашука: отсутствие единой идеологии, консолидирующей общество, предстает угрозой национальной безопасности. «Значительное количество общественных организаций с политическими идеологиями *антиукраинского* характера, финансируемых другими странами» (Миклашук, 2010: 10), инициируют сепаратистские импульсы, создавая угрозу национальной стабильности и суверенитету. В условиях нынешней *информационной войны* с РФ особенно ощутима несимметричность подготовки оппонентов: игнорирование идеологической сферы и информационной безопасности украинскими властями на фоне теоретизаций российских ученых относительно «*консциентальной войны*», направленной на «перекодировку сознания народонаселения противника» (Потехин). Красноречиво название статьи российского исследователя Ю. Громыко: «Разрушение страновой идентичности и стоящих за ней ценностных матриц сознания – важнейшая проблема идеологии нашей страны» (Громыко). Л. Кучма в свое время написал: «Украину мы создали. Но теперь нам предстоит более трудная задача – создать украинцев» (Кучма, 2004: 17). Периодические попытки консолидации украинцев в политическую нацию осуществлялись политиками, теоретиками и общественными деятелями, но они не были приняты украинским обществом в целом.

Современная массовая реабилитация идеологии произошла в контексте событий конца 2013 – начала 2014 г., маркированных означавшим Евромайдан.

Последний может быть интерпретирован и как *практический запрос на идеологию*, и как *попытка ее выработки* в режиме present perfect continuous. Отличительной чертой Майдана-2013 в сравнении с Майданом-2004 является *ориентация на идеи и ценности, а не на персоналии*. Массовые волнения, изначально имеющие антиправительственный характер, будучи протестом против коррупции и криминализации власти, обернулись формированием украинской политической нации и общественной солидарности нового типа. Нежелание жить в реальности, выстроенной украинскими властями, и стремление к существенным реформам актуализировали запрос на идеологии, основанные на отрицании высшей ценности денег, наживы. Сложилась новая концептуальная оппозиция, смещающая аксиологические полюсы: от противопоставления *идеология – истина* (социальная, научная и т.д.) к дихотомии *идея – нажива, идеология vs культ золотого тельца*. Формируется *украинский модус коммунаризма горизонтальных сетевых структур и временных ассоциаций свободных индивидов*, ситуативно и произвольно включающихся в них для решения определенных задач. Социальный эффект Евромайдана как События – в слове между *обывателем и гражданином* как постсоветскими социальными типами.

Резюмируя, стоит отметить, что событие Евромайдана вписывается в топологическую метафорику Пограничья, ведь суть не только в том, что к маргинальному региону, до недавних пор слабо отличимому от России, приковано внимание всего мира, но и в том, что, во-первых, обозначенные события не укладываются в прогностику социальных наук, выступая тем самым стохастическим аттрактором, случайной точкой бифуркации, а во-вторых, эти события могут изменить архитектуру социального ландшафта континента в целом. И если для Беларуси и России это прямой вызов стабильности режимов, сохраняющих советскую инерционность (на что последовала незамедлительная реакция президента РФ), то для Старого Света это и неожиданное практическое воплощение умозрительных построений социальных теоретиков (М. Хардта, А. Негри, П. Слотердайка и прочих), и ренессанс современных ценностей Европы, дискредитированных трагическим опытом XX столетия.

Литература

- Jameson, F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism // New Left Review. August, 1984. Vol. 146.
- Белобров, Б.Д. Идеологія сталого людського розвитку в Україні в період соціальних трансформацій: проблема становлення: Автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.03 / Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова. Київ, 2005.
- Гавриленко, І. Чи потрібна державі ідеологія // Віче. 1996. № 4. С. 46–63.
- Гавриленко, І. Ідеологія. Варіації на задану тему // Віче. 1997. № 2. С. 3–17.

- Громько, Ю. Разрушение страновой идентичности и стоящих за ней ценностных матриц сознания – важнейшая проблема идеологии нашей страны. [Электронный ресурс.] Режим доступа: www.km.ru/ideology/index.asp.
- Губерський, Л., Андрущенко, В., Михальченко, М. Культура. Ідеологія. Особистість: Методолого-світоглядний аналіз. Київ: Знання України, 2002.
- Губерський, Л.В. Ідеологія як соціокультурний феномен: Автореф. дис... д-ра філософ. наук: 09.00.03 / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. Київ, 1992.
- Додонов, Р.А. К вопросу о соотношении идеологии и ментальности // Культурологічний вісник. Наук.-теор. щорічник Нижньої Наддніпрянщини. Вип. 3. Запоріжжя, 1996.
- Ермолицкий, М.А., Сапелкин, Е.П., Слука, О.Г., Тур, А.Н., Юркевич, А.Т. Модель устойчивого развития Республики Беларусь: идеология, система управления, механизм реализации в союзе с Россией. Минск: Технопринт, 1999.
- Заблоцький, В. Суспільна ідеологія України: філософія і концептуальний дизайн // Схід. 2000. № 1(32).
- Заздравнова, О.І. Ідеологія в еволюціонуючому соціумі: Автореф. дис... д-ра філософ. наук: 09.00.03 / Харк. військ. ун-т. Харків, 2002.
- Іщенко, В. Чем хуже, тем лучше: неоліберальна академія як кузня комунізму. [Електронний ресурс.] Режим доступа: <http://www.common.com.ua/?p=16705>.
- Кебуладзе, В. Філософія в сучасній Україні: между «советской философией» и независимыми сообществами ученых // Топос. 2012. № 1. С. 175–187.
- Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н.С. Розова, Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Колотило, В.В. Роль ідеології в процесі соціальних змін: Автореф. дис... канд. філософ. наук: 09.00.03 / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. Київ, 2006.
- Кулик, В. Кулик Володимир про український та світовий інтелектуальні простори. 2011. [Електронний ресурс.] Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=365VSbsJfJE>.
- Кулик, В. Дискурс українських медій: ідентичності, ідеології, владні стосунки. Київ: Видавництво «Часопис «Критика», 2010.
- Кучма, Л. Україна – не Росія / Л. Кучма. М.: Время, 2004.
- Ліпін, М.В. Ідеологічні детермінанти людської життєдіяльності: соціально-філософський аналіз: Автореф. дис... канд. філософ. наук: 09.00.03 / Ін-т вищої освіти Акад. пед. наук України. Київ, 2007.
- Лісовий, В.С. Культура – ідеологія – політика. Київ: Вид-во Олени Теліги, 1997.
- Лой, А. «Філософія – антипод вульгарності в ментальному естві людини» (Розмовляла Світлана Матвієнко) // Україна модерна. 2009. № 14(3). С. 143–162.
- Лола, В.В. Формування державної ідеології виховання людини в умовах трансформації суспільства: теоретико-методологічний аспект: Автореф. дис... канд. наук з держ. управл.: 25.00.01 / Дніпропетр. регіон. ін-т держ. управл. Нац. акад. держ. управл. при През. Укр. Дніпропетровськ, 2007.
- Мангайм, К. Ідеологія та утопія / пер. з нім. В. Шведа. Київ: Дух і Літера, 2008.
- Мельник, В.А. Белорусская национальная идея: политологический аспект // Проблемы управления. 2007. № 1(22). С. 176–184.
- Мельник, В.А. и др. Основы идеологии белорусского государства: Методические рекомендации для студентов и преподавателей высших учебных заведений / В.А. Мельник, А.Л. Куиш, М.Г. Волнистая, В.Н. Семенова. Минск: РИВШ, 2008.

- Миклашук, І.М. Політична ідеологія як чинник національної безпеки України: Автореф. дис... канд. політ. наук: 21.01.01 / Нац. ін-т проблем між нар. безпеки РНБО. Київ, 2010.
- Михальченко, Н. Возможна ли интегративная идеология в Украине? // Социология: теория, методы, маркетинг. 1998. № 6. С. 195–203.
- Мінаков, М.А. Тематика історико-філософських досліджень і самоідентифікація сучасної філософської думки в Україні. Могилянські історико-філософські студії / ред.-упоряд.: І.А. Бондаревська, В.П. Козловський; редкол.: М.Л. Ткачук (голова) та ін. Київ: Києво-Могилянська академія, 2008. С. 389–403.
- Мищенко, М.Д. Ідеологія, соціальна міфологія та трансформаційні процеси в українському суспільстві. Київ: Рада нац. безпеки і оборони України, 1998.
- Осин, В. Пределы субъектного конструирования Пограничья Центрально-Восточной Европы: политика знания как триумф автономии угнетенной/подчиненной стороны // Перекрестки. 2012. № 3–4. С. 65–85.
- Павленко, Ю.О. Антропологічні виміри ідеології: Автореф. дис... канд. філософ. наук: 09.00.04 / Ін-т філософії ім. Г.С. Сковороди НАН України. Київ, 2010.
- Потехин, В. Консциентальная война. [Электронный ресурс.] Режим доступа: narod.ru/kom56/prop/pkon.htm.
- Про події в Україні. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://ukma.edu.ua/index.php/news/1140-pro-podii-v-ukraini>.
- Промова Леоніда Фінберга на церемонії вручення Премії Фондації Антоновичів у Вашингтоні. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://duh-i-litera.com/promova-leonida-finberha-na-tseremoniji-vruchennya-premiji-fundatsiji-antonovychiv/>.
- Риженко, Є.С. Інтегративна ідеологія як чинник консолідації українського суспільства: Автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.03 / Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова. Київ, 2008.
- Рікер, П. Ідеологія та утопія / пер. з англ. В. Верлоки. Київ: Дух і Літера, 2005.
- Сарапін, В.О. Ідеологія системних реформ в контексті стабілізації соціально-економічного та політичного розвитку України на рубежі століть (політологічний аналіз): Автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.03 / Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова. Київ, 2005.
- Славин, Б.Ф. Идеология возвращается. М.: Социально-гуманитарные знания, 2009.
- Слюсаревський, М. Ідеологія. «Взаємини» з освітою і психологічною наукою // Віче. 1999. № 2. С. 56–69.
- Смагін, І.І. Інтегративна ідеологія та її роль у системі адміністративного реформування: Автореф. дис... канд. наук з держ. управл.: 25.00.01 / Укр. акад. держ. управл. при През. Укр. Київ, 2002.
- Таран, В.О. Ідеологія перехідного суспільства: (соціально-філософський аналіз ідеологічного процесу в пострадянській Україні): монографія. Запоріжжя: ЗЮІ МВС України, 2000.
- Фінансування освіти і науки: бюджет 2014. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.tema.in.ua/article/8155.html>.
- Фурс, В. 2008. К вопросу о «белорусской идентичности» // В. Фурс. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост. В. Фурс, Л. Малевич, О. Шпарага. Вильнюс: ЕГУ, 2012. С. 108–115.

Примечания

- ¹ См., напр., сайт: [http://specnaukproect.com.ua/uk/выполнение диссертации](http://specnaukproect.com.ua/uk/выполнение_диссертации).
- ² Впрочем, стоит отметить позитивную тенденцию проработки этого вопроса. Так, один из ведущих технических вузов страны – Национальный технический университет «Киевский политехнический институт» – обеспечил сотрудникам, студентам и аспирантам бесплатный доступ к научным базам данных Web of science, Science Direct, SpringerLink, Oxford Journals Online, Cambridge Journals Online и др. (Доступ до всевітньовідомих наукових баз даних. [Електронний ресурс.] Режим доступа: kpi.ua/node/8491).
- ³ Информация с предыдущей версии сайта журнала: ideopol.org.
- ⁴ После событий февраля 2014 г. ректор Киево-Могилянской академии Сергей Квит был назначен министром образования и науки Украины.
- ⁵ Важно отметить, что К. Сигов является несомненным *polісymaker*'ом украинского гуманитарного пространства. Во время Евромайдана своими регулярными публикациями во влиятельных французских СМИ он сконструировал нарратив украинской революции, альтернативный российскому лобби. Поэтому очевидно, что негативная реакция вызвана не сутью высказывания коллеги, а именно используемым маркером.
- ⁶ Включая его словоформы.
- ⁷ Стоит отметить, что в таблице не указан часто встречающийся в текстах термин социальный/общественный/общество/социум, поскольку общественный характер идеологии признается всеми исследователями, вследствие чего термин не может использоваться как дифференцирующий фактор.
- ⁸ Основанные на перекрестном частотном контент-анализе. Первое число – средняя частота упоминаний, далее – средние частоты по группам: мейнстрим/маргиналы.